

ВИНОГРАДНИК

Она знала все основные правила Обители. Во время молитвы быть только в традиционной одежде и чепце. Никогда не притрагиваться ни к какой синтетике. Отказаться от мобильного, компьютера и даже от любых электрических инструментов. Не носить часы и украшения. Не брать в рот пищу, приготовленную где-то помимо Обители. Никогда не заслонять тень другого человека своим телом...

Будучи сезонной работницей, она могла не соблюдать эти правила. Первым делом требовалось одеваться, как положено, для работы. А с шести вечера, когда ее и всех остальных привозили в лагерь Обители, они могли вести нормальный образ жизни, который Посланники Гбспода¹ называли «мирским». Позже черные внедорожники с тонированными стеклами привозили им в лагерь воду и еду, прямо как прокаженным.

— Ивана, ты идешь или нет?

Она поднялась в машину следом за Марселем. Семь тридцать утра, пора отправляться на работу. Было холодно и темно; грузовики, которые использовали По-

¹ *Посланники Гбспода* — здесь: одна из сект анабаптизма, отделившегося во времена Реформации от главных течений протестантизма в Германии, Швейцарии и других странах. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

сланники, всякий раз казались ей вагонами для арестантов, отправляющихся на каторгу.

Ивана поправила чепец и села рядом с Марселем на открытой платформе. Со времени своего приезда, двумя днями раньше, ей удалось поговорить лишь с несколькими сезонниками, и этот оказался самым симпатичным, несмотря на бандитскую внешность.

— Хочешь посмолить?

Он протянул ей пачку табака и тонюсенький листочек бумаги. Ивана молча взяла их и начала сворачивать сигарету, достойную этого названия, что было нелегко: машину сильно трясло и качало. По части одежды она слегка схитрила, надев под черное платье термобелье, — впрочем, эту уловку их наниматели прощали: скорее всего, они тоже носили под своей «униформой» майки и колготы собственного изготовления. Ноябрьская температура в Эльзасе редко поднималась выше десяти градусов. Ивана раскурила сигарету и окинула взглядом окрестности. Виноградники, бесчисленные ряды виноградных лоз, чем-то похожие на дреды, тянулись до самого горизонта. Перед тем как наняться на эту работу, она подробно обследовала местность. Большую ее часть, именуемую Обителью, занимали виноградники. А в центре территории находился так называемый Диоцез¹ — фермы и хозяйственные постройки, принадлежавшие Посланникам. Все это было исключительно частной собственностью, и никто из посторонних не имел туда доступа.

Единственным исключением из этого правила был период сбора винограда, когда анабаптисты оказывались в безвыходном положении: чтобы вовремя собрать вруч-

¹ Греческое слово «*διοίκησις*» (диоцез) обозначает всю территорию, находящуюся в юрисдикции той или иной поместной церкви.

ную весь урожай, им приходилось нанимать на две недели сезонных рабочих. Так что — *добро пожаловать, Ивана...*

Она закрыла глаза и отдалась мерным толчкам машины. Сейчас она чувствовала себя почти хорошо. Завтраки в Обители были превосходны — простые, натуральные продукты, как она любила, — а холодный ветерок эльзасских полей приятно обдувал ей лицо.

А ну, встряхнись, старушка! Ты здесь не для того, чтобы тешиться мечтами. Ивана открыла глаза и толкнула в бок Марсея, дремавшего рядом:

— Ты что-нибудь слышал про мертвеца?

— Про какого еще мертвеца? — спросил тот, и, словно вспомнив о сигарке, дымившейся у него в руке, сделал затяжку.

Внешне он был похож на человека, побывавшего в тюрьме. Лет тридцать на вид, бледное, испитое лицо, скверные зубы. И на этом лице, слишком истасканном, чтобы выглядеть честным, выделялись бегающие глазки, какие бывают у мошенников, мечтающих мирно погреться на солнышке, но почти все время гниющих за решеткой.

— Мне сказали, что в какой-то часовне нашли труп.

— Ага, в часовне Святого Амвросия...

Затянувшись сигаретой, он почти сразу выдыхал дым, словно берег легкие. Верхнюю часть его лица затащили поля шляпы, полагавшейся сборщикам, — что-то вроде соломенной панамы, которая шла ему, как вязаная шапочка с орнаментом Пабло Эскобару¹.

— Так что же там случилось? — настойчиво спросила Ивана.

¹ *Пабло Эскобар* (1949–1993) — колумбийский наркобарон и террорист.

— А тебе какое дело? Ты что, из полиции?

Ивана заставила себя рассмеяться.

— Нет, но все-таки, что там стряслось?.. — повторила она.

— Ну, дело было неделю назад, — ответил наконец Марсель, — в старой часовне, рядом с Обителью, рухнули подпорки. А этот парень стоял внизу. Он кто-то из важняков в ихней Обители.

— Главный начальник, что ли?

— Главных начальников там нет, а Самуэль был у них как бы епископом. Ну, тем, кто служит мессу.

— И он ничем другим не управлял?

— Я же тебе все сказал. Ты задаешь слишком много вопросов, подруга.

Грузовик съехал с шоссе на грунтовую обочину, подняв облако пыли. Ряды виноградных лоз вокруг напоминали Иване американские кладбищенские кресты в Сюрене¹. В раннем детстве ей довелось провести там, по милости социальных служб, много лет.

Внезапно Марсель заговорил снова, теперь уже громче, чтобы перекричать шумные толчки машины:

— Эту часовню сейчас ремонтируют. Похоже, там рухнули деревянные леса, вот все и обвалилось, и Самуэль попал под обломки свода.

— Думаешь, это просто случайность?

Марсель не успел ответить: грузовики остановились. Рабочие молча по очереди спрыгивали наземь. Ивана не могла точно определить, сколько их, — навскидку около шестидесяти, а вместе с анабаптистами, наверно, добрая сотня работников, готовых весь день напролет корячиться

¹ *Сюрен* — коммуна во Франции и ближний пригород Парижа, там находится мемориальный комплекс, где похоронены американские солдаты, павшие во время двух мировых войн.

на виноградниках. Марсель, конечно, не был надежным источником информации, но все-таки кое-какие слухи до него доходили. По крайней мере, держась рядом с ним, она могла узнать, как сезонники расценивают эту драму. Но это для начала. Разумеется, Ивана предварительно изучила официальное досье. Однако жандармы в Кольмаре знали очень мало. В настоящее время они склонялись к версии несчастного случая, но ждали заключения экспертов по строительству. Кроме того, полиция допросила Посланников, но ровно ничего не добилась. Те изъяснялись на каком-то заумном языке, одновременно и скупом, и напыщенном.

И тогда прокурор Кольмара Филипп Шницлер вызвал к себе их обоих — Пьера Ньемана и Ивану Богданович, единственных членов ЦРТП (Центра расследования тяжких преступлений) — специалистов по загадочным убийствам с отягчающими обстоятельствами. Только для консультации. И они решили поделить между собой эту задачу: она будет действовать изнутри, он извне.

Посланники и сезонные рабочие становились на свои места, иными словами, строились в шеренгу, лицом к виноградникам, чтобы прослушать утреннюю молитву. Мужчины из Обители были в черных костюмах, белых рубашках и соломенных шляпах; на ногах грубые башмаки на деревянной подошве. Их женщины — в платьях из плотной материи, серых фартуках и кружевных чепцах. Издали анабаптисты походили на американских амишей¹. Впрочем, и вблизи тоже. Ивана почесала голову (она не переносила эти чепцы) и снова вгляделась в окружающий пейзаж, все более четкий в свете рождав-

¹ *Амиши* — закрытая религиозная община анабаптистов (христиан-протестантов), которые переселились в Америку, спасаясь от гонений в правление Людовика XIV.

шегося дня; теперь за виноградниками вырисовывались эльзасские равнины и леса — какой приятный сюрприз! Пару месяцев назад по стечению рабочих обстоятельств (довольно мрачных) им довелось побывать в нескольких километрах отсюда, на другом берегу Рейна, в Шварцвальде — Черном лесу.¹ Ивана ожидала увидеть зловещие сосновые чащи и озера с мертвенно-серой водой, от которых стынет кровь в жилах. Ничего подобного. Весь этот район представлял собой живописную, приветливую, типично французскую сельскую местность. Стояла осень, и древесная листва уже была красной, медно-желтой или просто палой, однако пастбища (Посланники также разводили скот) все еще сохраняли сочную шелковистую зеленую траву.

А виноградники и вовсе сияли непередаваемой красотой. Казалось, их ярко-желтые листья затейливо вырезаны чьей-то искусной рукой. Светлые грозди блестели, как золото, а кожица ягод, хотя и сморщенная, казалось, с трудом сдерживала пьянящий нектар, который уже бродил под ней.

Внезапно какой-то бородач, стоявший напротив них, взял слово, обратившись разом к Богу, к земле и к их покорным слугам, то есть к сезонникам, здесь присутствующим.

¹ Отсылка к предыдущему роману Гранже «Последняя охота».

Возблагодарим Господа за землю и небо,
За солнце и дождь, за смену времен года...

Ивана говорила по-немецки, но их хозяева изъяснялись на диалекте шестнадцатого века, не имеющем ничего общего с языком берлинских клубов.

Неизменно услужливые, они снабдили рабочих книжками с письменным переводом на современный язык молитв, размечавших весь их рабочий день. В этих книжках указывалось также, в какой момент некоторые фразы следовало произносить хором, притом по-французски.

И никакой пропаганды. Действительно никакой. Они желали только одного — чтобы каждый приобщился к главной истине: плоды их работы — в первую очередь дар Божий. А сборщики винограда — всего лишь посредники между Небесами и землей.

Все повторили хором:

Уповаем на Тебя, Господи, в Тебе надежда наша!

Люди, совершавшие богослужение, ежедневно менялись. В Обители не существовало никакой иерархии.

В исключительных случаях Посланники даже позволяли читать молитву кому-нибудь из сезонников.

Возблагодарим Господа за надежду, что Он дарует нам,
Когда мы сеем и пашем
В ожидании урожая.

И все присутствующие снова повторили:

Уповаем на Тебя, Господи, в Тебе надежда наша!

Ивана усердно играла свою роль, исподтишка поглядывая на анабаптистов, стоявших справа, чуть поодаль от шеренги.

Их принадлежность к Обители угадывалась не столько по одежде, сколько по внешности: все они выглядели одинаково или почти одинаково. Бледные лица с тонкими чертами у женщин; круглые, с окладистыми бородками у мужчин, в большинстве своем рыжеволосых.

Они выглядели пришельцами из прошлых веков, из эпохи пионеров Запада или паломников с Востока, тех, кто переплывал океаны, странствовал через пустыни и горы с Библией в одной руке и мотыгой в другой.

Будем молить Господа благословить труды наши
На нивах и виноградниках, на огородах и в садах,
Дабы плоды их дали нам силы
Служить Ему.

Ивана шепотом повторила:

Уповаем на Тебя, Господи, в Тебе надежда наша!

А над их головами разгорался день. Скоро небо засияет лазурью и его свет разольется между рядами виноградных лоз. Иване, с ее тонкой, чувствительной кожей, то и дело приходилось мазаться кремом от загара. Не очень традиционно, зато эффективно.

Она спохватилась, что пропустила одну или две фразы из молитвы. Ладно, не страшно. Рядом с Посланиками она испытывала какое-то опьяняюще чувство, которое даже не требовало слов. Их истовая вера зачаровывала ее. Это глубинное, искреннее убеждение, объединявшее их в единой судьбе... Ей казалось, что у них у всех одинаковая, похожая линия жизни на ладонях.

Приехав сюда, она ожидала увидеть секту религиозных фанатиков, занимавшуюся промывкой мозгов своих adeptов. А вместо этого обнаружила искреннее, скромное благочестие, безразличное к мнению окружающих.

Ивана не верила в Бога. Однако после того, как она избежала побоев отца, гонявшегося за ней с домкратом, сербских бомбардировок, смертельных доз наркотика в подвалах и приговора за умышленное убийство (спасибо Ньеману — выручил!), у нее было немало оснований уверовать в высшую силу, которая, невзирая на все эти напасти, пощадила ее. Но до сих пор она старалась выживать, не раздумывая о том, кто управляет ее судьбой.

Будем молить Господа благословить усилия
Всех, кто делит меж собой
Блага земные...

Да, она им завидовала — завидовала их безмятежным лицам, их глазам, обращенным в душу, их скромной, непритязательной вере. И ей хотелось бы жить, как они, — без колебаний, без тени сомнения... Хотелось лелеять в глубине души счастливое чувство приверженности высшей истине, быть одновременно и примером, и совестью...

В тебе, Господи, все упования наши!

Убийство! — вдруг сказала она себе. *Самуэль Вендинг был убит в часовне, и я это докажу!* Она приняла свое решение, не имея никаких доказательств, никаких сведений, но еще раз мысленно повторила это с яростью и горечью в душе.

— Ты чего, заснула? — спросил Марсель. — Шевелись, подруга!

Ивана поправила чепец, одернула платье и взялась за ручку наплечной корзины.

Вот кем она была на самом деле — злосчастной сыщицей, которая знала только одно средство побороть в себе жалость и умиление: убедиться в верховенстве Зла на этой земле.

— Убийство, — прошептала она еще раз сквозь зубы. — Как пить дать убийство.

З

Перед приемом на работу Иване устроили собеседование в одном из амбаров. Она сразу откровенно сообщила, что у нее нет никакого опыта и никаких знаний для сбора винограда.

Посланники, верные своей репутации терпеливых и великодушных людей, наняли ее не раздумывая. До начала сбора оставалось всего несколько дней, а эта девушка, пусть и неопытная, выказывала готовность усердно трудиться... Ей вкратце разъяснили суть задачи. Здесь собирали так называемый поздний виноград, выждав, когда он перезреет и приобретет качество, которое называлось «благородной гнильцой». Супер. Из этих агонизирующих ягод, собранных в определенный момент, делали подлинный нектар — крепкий, сладчайший гевюрцтраминер¹.

Ивана вина не пила, но поверила им на слово. Ей показали, как срезать гроздь с ветки, которая называлась «гребнем». Раз-два — и готово дело. Ничего сложного, только нужно тщательно отбирать грозди, — все дело было в цвете ягод. Те, которые она собирала вот уже два дня — маленькие, сморщенные и темные, — напоминали скорее изюм; они считались самыми лучшими.

¹ *Гевюрцтраминер* — название специального сорта винограда, из которого делают одноименные сепажные белые вина с богатым ароматом.

Девушка скоро освоила правила сбора, работая бок о бок с этими мужчинами и женщинами, одетыми в черное, в дымке утреннего тумана или под холодным осенним солнцем. Стоя на коленях или согнувшись в три погибели, они непрерывно проделывали одно и то же движение, задыхаясь от запаха винограда, ядерного, как масляная краска.

В первый вечер, ложась в постель, Ивана думала, что уже никогда не сможет встать. Проблема заключалась в том, что нужно было постоянно находиться в одной позе — сгибаясь почти до земли; чепец все время съезжал ей на глаза, колени болели невероятно. Однако уже со второго дня она к этому приспособилась. Вольный, сияющий воздух помогал преодолеть ломоту, а прожилки виноградных листьев нашептывали ей, что нужно быть терпеливой. Она оказалась здесь, чтобы собирать информацию. И значит, пока суд да дело, вполне могла собирать виноград...

Время от времени она приподнимала голову и смотрела на Посланников, работавших поодаль. Они старались не смешиваться с сезонными рабочими и разговаривали с ними преувеличенно мягко, с напускной кротостью. Но тщетно они притворялись смиренными — Ивана явственно чуяла в них скрытое высокомерие, чувство превосходства. Другие — все другие, «миряне» — были для них не чем иным, как духовными уродами, оскорблением Господа.

— А кто же заменит того, умершего? — спросила Ивана у Марселя.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, ты же сказал, что он был из начальников, значит теперь возглавить секту придется кому-то другому, разве нет?

Марсель замер в рабочей позе: поставив правое колено на землю, согнув левую ногу и опершись на нее левой

рукой, а в правой держа секатор лезвием вниз, как заряженный револьвер.

— Во-первых, я тебе никогда не говорил, что Самуэль был начальником. Наоборот, даже объяснил, что в этой Обители нет никаких начальников.

Ивана выбрала в гуще листьев подходящую гроздь, отсекала ее от ветки и забросила в корзину.

— Ну, значит, я тебя не так поняла.

— Вот именно, и потом, я тебе уже сказал: ты задаешь слишком много вопросов.

Ивана почувствовала, что пора дать отпор:

— Может, это оттого, что ты их совсем не задаешь? И считаешь здешнюю ситуацию нормальной — все эти одежды, правила, молитвы? И то, что нас поселили, как зачумленных, в самом глухом углу Обители?

Но Марсель только пожал плечами и защелкал секатором. От нападения он перешел к защите:

— Я уже пять лет тут на них горблюсь. Этот поздний сбор — настоящий фарт. Прекрасный способ подкопить бабла на зиму.

— А их образ жизни тебя не удивляет?

Марсель бережно уложил в корзину срезанные грозди.

— Мое дело собрать виноград и получить башли, вот и все.

Ивана взглянула на свой наряд:

— Но все-таки, вот эти тряпки...

— Для приличия. Я их в этом не виню. Сборщики часто работают задом кверху.

— Даже в ноябре?

— Слушай, ну ты и зануда!

Он выдал это заключение не моргнув глазом, тоном парня, который знает, что на земле бывают такие девушки, ну и бог с ними, ему они на фиг не нужны.

— Значит, тут нет начальников?

- Нет.
- А кто ж тогда командует производством?
- Один тип, его зовут Якоб.
- Тот, что был здесь вчера утром?

Этот низкорослый, но дюжий человек накануне вводил их в курс дела: по времени они укладываются, но снижать темп работы нельзя, до завершения Великого Деяния осталось не больше трех дней!

— Точно. Это он следит за всем процессом, от сбора урожая до розлива по бочкам, чтобы вино состарилось.

Ивана решила больше не настаивать, но Якоб не выходил у нее из головы: этот могучий гном, с его медоточивым голосом и приторной улыбочкой, казался ей грозным диктатором.

А что, если он был соперником Самуэля?

И боролся с ним за власть в общине?

В одном месте лагеря сезонников Ивана заметила дыру в ограде. И решила следующей ночью выбраться наружу, чтобы осмотреть часовню.

4

После отъезда Иваны Пьер Ньеман собрал документацию и в одиночестве занялся изучением досье в своем парижском офисе. Ему было ненавистно это занятие: в таких ситуациях он всегда чувствовал себя дезертиром, тогда как другие сражались на передовой. И вот наконец в среду, 14 ноября, после обеда, он сел в скорый поезд. Настоящая пытка! Провонявшие сиденья, пассажиры с похоронными минами, развязные контролеры, которые опирались на ваше кресло с таким видом, будто заигрывали с вами в каком-нибудь клубе...

Один из них как раз подошел к Ньеману. Тот, не глядя, сунул ему свой билет, потом откинулся на спинку кресла, — слава богу, ему досталось место в углу вагона, отдельно от других, хоть в этом повезло.

Больше всего Ньемана угнетало направление поездки — Эльзас. Еще одна загадка, которую он никак не мог постичь: их новую бригаду могли направить в любое место Франции, так нате вам — два дела подряд, одно за другим, приводили его почти в одно и то же место. После Шварцвальда, с его мрачными еловыми лесами, — долина Флориваль¹, с ее виноградниками. Господи спаси!

¹ Долина Флориваль находится во французском регионе Эльзас (деп. Верхний Рейн).

Всего в нескольких километрах от лачуги его покойных деда с бабкой!

Это было не просто невезение — это было проклятие.

И его виновник носил имя Филипп Шницлер, прокурор города Кольмара, а по совместительству его друг детства. Вернее сказать, они провели энное количество лет на общей скамье школьной галеры. С тех пор они почти не поддерживали отношений, каждый из них жил своей жизнью. И вот наконец Шницлер вдруг вспомнил о школьном товарище в связи с подозрительной смертью в часовне. Что это — случайность, саботаж, убийство? А ну-ка, давайте узнаем, что об этом думает старина Ньеман...

Он бросил взгляд в окно, на пролетающий мимо пейзаж, раздумывая об Иване, которая добровольно вызвалась доставить себе это удовольствие — участие в сборе винограда. Майор не очень-то верил в успех ее внедрения, придуманного в самый последний момент. Сезонников наверняка держат подальше от всех дел Обители, и у его подчиненной почти нет шансов, даже проникнув в их ряды, что-то разузнать у этих Посланников. Тем более за три дня до конца сбора винограда.

Но пока, за неимением лучшего, он снова погрузился в изучение своего досье. Ньеман умел читать между строк и выяснил, что Обитель имеет особый статус в этой долине. Их вино было самым знаменитым в крае, и благодаря ему все обитатели этого района, имевшие прямое или косвенное отношение к общине, жили припеваючи.

Посланникам устроили допрос с пристрастием. В ответ на это они запретили вскрытие умершего, а потом и вовсе закрыли доступ кому бы то ни было на свою территорию. Часовня же стояла за границами их владений, и ничто не препятствовало жандармам рыскать вокруг

них. Шницлер все-таки добился разрешения на вскрытие, но этим дело и ограничилось...

Вот уже пять дней, как Самуэль был мертв, а досье жандармерии по-прежнему напоминало скупое меню закусочной. Генеральный прокурор своей властью продлил сроки расследования, втайне уповая на последний шанс: дать Ньеману полную свободу действий, чтобы он разворошил это осиное гнездо, не подчиняясь никакому судье.

Но копу было ясно еще одно: если Шницлер обратился к нему, значит он и сам подозревает, что в Обители творятся какие-то темные дела. И смерть Самуэля стала удобной возможностью пролить свет на дела этого анахронического сообщества, прибегнув к помощи Ньемана с его легендарным чутьем.

Неразборчивый голос из динамика известил пассажиров, что поезд прибывает на вокзал Кольмара, и Ньеман поежился, услышав знакомый акцент диктора Общества железных дорог. *Welcome back home*¹.

Подхватив свой чемоданчик, он заставил себя настроиться на бодрый лад. Так, словно мысленно собирался с силами. Они ему понадобятся, чтобы перенести это второе пребывание на родной земле, слишком хорошо знакомой...

— Ч-ч-черт...

Это ругательство вырвалось у майора на ступеньке вагона, при виде офицера жандармерии, ожидавшего его на перроне. Капитан Стефан Деснос в силу лишней буквы оказался Стефани² — женщиной. И, как ни прискорбно, весьма привлекательной.

¹ Добро пожаловать домой (*англ.*).

² По-французски мужское имя пишется Stéphane, женское — Stéphanie.